

18+

Полина Дунская

Сборник
юмористических эссе

Полина Дунская

Полина, как не стыдно

«Издательские решения»

Дунская П.

Полина, как не стыдно / П. Дунская — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Настольная книга для всех, кто задолбался. В ней нет рецептов счастья и духовных практик. И мудрой женщины в белом пальто тоже нет. Зато есть истории про людей, которые регулярно попадают в дурацкие, неловкие, смешные, болезненные и очень узнаваемые ситуации — и каждый раз как-то выруливают. Полина верит: если жизнь в очередной раз пошла наперекосяк, из этого точно получится хорошая история. Книга содержит нецензурную брань.

© Дунская П.

© Издательские решения

Содержание

...Всем девочкам посвящается	6
I. Любовь, секс и прочие диагнозы	9
Про женщин	9
Про Машу и мужиков	13
Уши, волосы и другие способы не выйти замуж	14
Как не стать женой миллионера	17
Особенности индийской не только кухни	20
ЙОбобо	21
Как я в морге ночевала	24
Валютная...	27
Крекс, Пекс, Секс!!	30
II. Осторожно, я	32
Трусы	33
ЧУЧА	35
Кот, лишай и альпинисты	37
Про Национальное самосознание	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Полина, как не стыдно

Полина Дунская

© Полина Дунская, 2026

ISBN 978-5-0070-7202-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Всем девочкам посвящается

Любая девочка в любом возрасте периодически хочет на ручки. Она не всегда уверена, на какие именно, но точно хочет. И не верьте, когда она крутит пальцем у виска и говорит, что вы совсем долбанулись. Что она взрослая — какие ручки.

У неё дети и мама.

И посуда немытая со вчера.

И собака.

А младший вообще хомяка притащил.

А заботиться обо всех — ей.

И кормить.

Хомяк вот на стол насрал.

И в собачью миску.

И в кресло.

Даёшь больше грязи. И грязной посуды. И хомяков.

А ещё работать надо.
И продукты закончились.
А у старшей двойка по математике.
У среднего — по русскому. У младшего — по поведению и фингал. И этот чёртов хомяк ещё. Некогда ей.
Вы её не слушайте. Просто подойдите и сгребите в охапку — и на ручки сажайте. И держите крепко, чтоб не вырывалась. Прижмите к груди, как маленькую.

И баюкайте. И говорите, что всё хорошо будет. И пусть рассказывает про хомяков, про посуду и двойки. И поплачет пусть. Зато потом как улыбнётся и как скажет вдруг: Вот и весна пришла...

Ручки — они такие, всё лечат.

I. Любовь, секс и прочие диагнозы

Про женщин

Одна тётенька очень ревновала мужа к другим женщинам, но поймать его на измене ей ну никак не удавалось. И вот однажды она нашла длинный чёрный волос в какашках собаки и отправила на экспертизу. И узнала, что волос женский и, к тому же, на 15 лет моложе, чем вся тётенька со всеми её волосами.

И она подала на развод.

Другая тётенька не ревновала мужа, но очень беспокоилась за дочь, назовём ту Машенькой. И вот, листая Машенькин запрещённограм, она наткнулась на Машенькину красивую подругу. И пошла смотреть. А там все эти красивые позы, длинные ноги и солнечные очки Prada из прошлогодней коллекции. А в них отражается предзакатное море, и волосатая мужская рука нежно сжимает руку красивой Машиной подруги. А на волосатой мужской руке фенечка. И нет в мире других таких фенечек — лишь у тётеньки и у её мужа, ибо сплёл их монах с острова Пасхи.

И она подала на развод.

Третья тётенька вообще никого не ревновала и ни за кого не беспокоилась, а просто выбирала отель в Таиланде по фоточкам на сайтах. И нашла свадебные. На них красивая тайка в невестинном платье целует их общего теперь уже мужа.

Но она не подала на развод, а позвонила в отель и попросила прислать ей всю фотосессию. Мол, она тоже собирается замуж и хочет непременно у них и чтоб такое же платье. И торт. И ей, конечно же, прислали. И вот тогда она взяла мужа за яйца, сжала их крепко-крепко, забрала у него квартиру, машину, дачу и все его деньги. И только после этого подала на развод.

Вывод: тот не находит, кто плохо ищет.

**Имена и географические названия придуманы автором. Этика, мать её.*

Про Машу и мужиков

Моей подруге, назовём её Машей, отчаянно не везёт с мужиками. Вот прямо с самого начала её женской карьеры.

Её первая любовь был душевным и чутким: с ним и поговорить, и помолчать. Цветы дарил, на море возил — и Машу, и Машину маму. Мама в нём чего только ни чаяла — ещё немного, к стене б гвоздями прибила, лишь бы не ушёл.

Пригласил он как-то Машу на ужин. Да так торжественно пригласил, что Маша вся расплескалась: в животе бабочки, в голове фейерверки. Мол, ну вот и всё, я замужем теперь. Пришла на ужин, а там — свечи, музыка, вино.. И Иван, любовь всей его жизни (*не всей, как потом оказалось, но это другая история*).

Второй был мачо: фигура атлета, манеры лорда. Ухаживал красиво, подарками заваливал её и, опять же, маму. Но оказался маниакально ревнив и деспотичен: сначала запретил общаться с друзьями мужеского полу, а когда мужики вокруг кончились, приревновал к подруге и спустил ту с лестницы.

Маша от него сбежала, а он с горя запил — да так, что она полгода потом пряталась. Оказывается, много лет он был в завязке, потому как по пьянке у него крышку совсем взрывало. И он пару раз пытался Машу поймать и насильно простить.

Третий... Этот всё искал, где потеплее — в основном почему-то у Машиных подруг. И нашёл. Перевёз туда свои вещи, немного Машиной мебели, посуды, украшений (*так, по мелочи — на калым*). И стиральную машинку. Так у Маши стало на одну подругу меньше и на одного ребёнка больше.

Потом был альфа-самец — эрудит и остроумец. У них было бурно и страстно — до стёртых коленок: встречи в отелях, секс в странных местах. Но он оказался женат, с тремя детьми и четвёртым на подходе.

В общем, разочаровалась Маша в соотечественниках и решила расширить диапазон поиска. Последовала череда заморских султанов да королевичей. Но и тут не сложилось: слишком дорого, далеко и нестабильно. А Маша как-никак уже «заматерела» и не могла позволить себе таких легкомыслий.

Решила Маша, что личная жизнь не про неё, и перестала искать. Записалась на сальсу, начала учить китайский, каждый вечер делать с сыном уроки и варить супы.

И вот однажды у Маши закончилась соль. Она метнулась в ближайший магазин, но прямо на пороге поскользнулась и упала.

Валяется там, грязная и вся в позоре, встать не может — ногу подвернула.

И тут Он.

Поднял на руки, довёз до дома, стонял за солью.

И остался навсегда.

Я вот, сколько ни падала, принца себе так и не наваляла. Но, как говаривал Черчилль, *«успех — это умение двигаться от неудачи к неудаче, не теряя энтузиазма»*.

Что ж, подожду...

Уши, волосы и другие способы не выйти замуж

У моей бабушки было две сестры — Роза и Соня. Все умницы и красавицы, включая бабушку. Соня вышла замуж, нарожала детей и жила себе личной жизнью, несмотря на докторскую степень по химии и сложный характер. Бабушка проделала тот же путь, но без степеней. А Роза замуж не вышла. Ей мешали принципы и странные взгляды на мужскую физиологию.

Например, уши. Она считала, что главное в мужских ушах — выразительные мочки, не примыкающие к голове. Потому что голова — это голова, а мочки — орган самостоятельный и отдельный. Уши с невыразительными мочками как женщина без попы. Розе такие уши не нравились. И весь мужчина сразу никуда не годился.

Ещё волосы. Им полагалось быть только на голове. В исключительных случаях на ногах, но не густо. Больше нигде. Волосатая грудь нарушала в Розе пищеварение. Волосы на спине вызывали головокружения, иногда панические атаки. Темы лысых мужчин лучше было даже не касаться.

Теперь о пальцах — тех, что на ногах. Они должны были быть равномерной длины, без резких перепадов. И не дай бог тот, что рядом с большим, оказывался длиннее остальных — не спасали ни уши, ни волосы. Роза такого не терпела и страдала ужасно.

Ну и, наконец, Роза была девушкой глубоких моральных принципов. Даже в пятьдесят. Поэтому гордо несла свой цветок по жизни мимо всех.

Эти факторы сужали выборку и сводили шансы на замуж в то самое строго охраняемое Розой место.

Однажды за Розой ухаживал кавалер. Во всех Розиных смыслах достойный мужчина: с мочками, пальцами и волосами в правильных местах. Был он высок, спортивен и нежен, вредных привычек не имел, по утрам бегал, обливался холодной водой и обожал Розу со всеми её закидонами.

У семьи внезапно появилась надежда выдать Розу замуж.

Жила Роза в Нижнем Новгороде, тогда именуемом Горьким. Изредка навещалась в гости в Москву, где они с бабушкой запирались на кухне и обсуждали Розиных мужиков и дедушкиных любовниц. Эти все события происходили задолго до моего рождения, но мама помнит их как вчера. Ей было десять, она сидела под дверью и внимательно подслушивала.

— Ну что, как там твой Николай?

— С Николаем всё кончено.

— Как так — кончено??? Вы же только начали!

— А так! Решила я сделать ему сюрприз. Думаю, дай встречу после пробежки. Пришла на стадион. Он, как меня увидел, так обрадовался!

— Ну ведь хорошо же!

— Да погоди ты с хорошо.. Обрадовался он, значит, и побежал мне навстречу в этих своих трико. Ну, знаешь, тонкие такие, дышащие. Гляжу, а там, под трико, у него мудя. И вот бежит он, а мудя трясутся, трясутся. Фу, мерзость какая. Я — в обморок, а как в себя пришла, так сразу с ним и рассталась.

Вообще после такого положено жениться. В целом, мне показалось, что он был не против, но меня уже встречал муж. А могла бы получиться красивая романтическая история..

В общем, замуж Роза так и не вышла. Зато фраза «*мудя трясутся*» стала нашим семейным мемом, и звучит она всякий раз, когда кто-то находит мелкий изъян в чём-то очевидно прекрасном. Обычно этот кто-то — я.

Как не стать женой миллионера

В девятом классе я пришла к маме с вопросом: *Ну и куда мы будем поступать?*

Мама от неожиданности икнула и поняла, что пора отрывать кроху от сиси и отправлять взрослеть подальше от пирогов с блинами и сушёными грибами.

При всей своей инфантильности девочкой я была усидчивой и упёртой как баран. Училась сносно, и шансы повзрослеть без тяжких последствий у меня были неплохие. Поэтому мама решила не отсылать меня сразу в глухую сибирскую деревню, а устроила на подготовительные курсы к TOEFL. Это такой экзамен на знание английского. Его сдают те, кто хочет взрослеть не на родине, а где-нибудь в Америках.

Я впряглась в учёбу.

Способности к языкам у меня были. Целеполагание тоже, пусть и на уровне пещерного человека: вижу мамонта — убью мамонта — съем мамонта. Но для того, чтобы натаскать себя к экзамену, как раз то что надо.

Меж тем у мамы в Америке жила особая подруга. Была она, как это сейчас модно зовётся, консультантом по образованию за рубежом. На нашем человеческом — занималась экспортом юных российских умов за границу. Везло, конечно, не всем, а только самым умным или богатым. И мне.

Экзамен я сдала на много баллов, и мама с подругой стали подыскивать мне подходящий университет. Требования было два: стипендию повыше и чтоб никаких там Нью-Йорков. Потому что стереотипов тоже было два: в этих ваших развратных Нью-Йорках я непременно стану проституткой или, на худой конец, наркоманкой. Или обеими сразу. И ещё там дорого.

Про дорого очень спорное утверждение, а остальное совсем враньё, и вот почему.

Меня сослали в маленькую симпатичную дыру на границе Западной Вирджинии и Огайо (*всё равно спасибо, что не в Сибирь. А ведь могли бы*). Но они не учли одного: в таком крохотном месте все друг у друга под носом. Я знала по именам всех местных проституток и их мамок. Всех пятерых, если точнее, и ещё парочку леди-боев. Всех торговцев кокосом и ганджубасом. Не потому, что мне хотелось, а потому, что там же негде спрятаться!

Но становиться наркоманкой или проституткой мне было некогда: я училась, работала, а большую часть свободного времени спала.

В этом диком американском Лукоморье, про которое шутят их стендаперы, я была не просто единственной Russian girl — они там, по-моему, вообще никогда не видели живого русского. Я стала для них чем-то вроде ожившего динозавра.

В первые пару месяцев всё внимание кампуса сосредоточилось на мне. Мой автоответчик ломился от предложений выпить водки на спор, почитать вместе Достоевского, вопросов из серии *есть ли в Москве медведи и видела ли я когда-нибудь лето*. И это только малая часть.

Однажды ко мне подбежал парень, не мигая уставился мне в переносицу и выпалил:

— Я всегда боялся русских, потому что вы — враги. Но ты совсем не страшная. Я тебя не боюсь! — и убежал. Больше я его не видела. Наверное, решил, что не бояться русского, пусть даже такого мелкого, безопаснее в другой альма-матер.

Со временем все друг к другу привыкли. Автоответчик иссяк и беспокоил меня только по делу или по выходным.

И вот однажды подруга потащила меня на вечеринку к друзьям из соседней общаги. К нашему приходу все уже были пьяненькие, кроме хозяина — смешного парня из Небраски с кусачим чувством юмора и неиссякаемым запасом историй. Мы развалились на большом диване, слушали его байки, пили ледяное пиво и чувствовали себя как дома — до того момента, пока не вернулся его сосед: тучный, с маленькими белёсыми глазками на одутловатом лице и привычкой всё повторять дважды.

— Привет, привет. Как жизнь, как жизнь? Я присяду тут, присяду тут?

Он подсел ко мне вплотную и начал говорить: о том, что уже давно следит за мной, знает, где я живу, что ем на завтрак после тренировок по средам и где обедаю каждое третье воскресенье месяца, во сколько выключается свет в моей спальне по четвергам. А потом достал коробку с видеокассетами.

На экране завибрировала картинка. Вот я выхожу из спортивного зала и останавливаюсь у фонтанчика попить воды. А вот моё лицо крупным планом.

Он снимал меня на старенькую кассетную камеру. Снимал везде. И самое страшное — я никогда ничего не замечала.

Меня замутило. Я вскочила, скомкано попрощалась и выскочила за дверь. До дома бежала без остановки. Зашторила окна, заперла дверь и несколько дней боялась выходить на улицу одна. Сходила даже в полицию кампуса, но там всё так же как и у нас: ничем помочь не можем, приходите, когда изнасилуют. Или лучше зарежут.

Спустя время травма моя душевная подулегла и подзабылась. А накануне Дня благодарения у меня зазвонил телефон.

— Здравствуйте, — вежливо произнёс мужской голос. — Полина?

— Здравствуйте. Да. А кто вы?

— Я — папа Джейми.

Именно так звали моего Чикатило с видеокамерой. Я замерла с трубкой в руках.

— Что вы хотите?

— Вы нравитесь моему сыну и должны приехать к нам в Детройт на праздники.

— Ну уж нет, спасибо.

— Конечно да. — продолжал голос. — Мы уже всё спланировали. Вы приедете, мы познакомимся, а через год вы поженитесь.

— Вы там что, всей семьёй спятили??

На фиг вежливость. Да и голосу явно было наплевать.

— Вы же из России? Родители не просто так отправили вас в США. Мы очень богаты.

— Меня отправили учиться.

— Вас отправили ЗА МУЖЕМ. Так что вы приедете. И точка.

Я повесила трубку. Телефон снова зазвонил. И снова. И снова. А потом я выдернула шнур.

Как ни странно, этот разговор меня успокоил, как будто поставив логическую точку в этой истории. Я вернулась к обычной жизни, телефон включила через пару дней. Чокнутый папа не звонил, Джейми я больше не видела. По слухам, он перевёлся в другой универ.

Моему сыну сейчас немногим меньше, чем мне тогда. Я бы с радостью забыла эту историю, но мама то и дело подкалывает: дура, говорит. Упустила шанс выйти замуж за маенька миллионера.

Особенности индийской не только кухни

Однажды сын индийского посла пригласил меня на обед в их посольскую квартиру.

Мы познакомились на занятиях испанским, и не то что бы мне был нужен индийский мальчик — индийцы вообще не в моём вкусе. Просто этот конкретный был единственным мальчиком на десять девочек, а я запасливая.

Пригласил он меня не сразу. Сначала пересел поближе и подолгу, молча, пялился мне в висок своими влажными, почти чёрными, глазами. Потом подвозил до дома на чёрном посольском мерседесе с шофёром. Пару раз дарил цветочки и странные национальные сувениры вроде статуэтки бога Ганеша, браслетика с колокольчиками и мешочка с чем-то вонючим. И только потом — обед. Я согласилась: не каждый же день меня зовут отобедать в посольском доме.

С особенностями индийской кухни я была знакома скудно и в основном из книг. Острое не ела, не приучили: бдительная бабушка берегла мой детский организм от всего жареного, жирного, перчёного, копчёного, сладкого, консервированного... Спасибо, что хоть солила. Неудивительно, что при таком гастрономическом анамнезе к любой незнакомой еде я относилась настороженно.

И меня, конечно же, ждал сюрприз.

Бомбический. Жаршика. Огонёк.

Я до сих пор уверена, что эти словечки пришли к нам из индийской кухни.

С порога мне сообщили, что абсолютно все блюда сегодняшнего меню адаптированы под мой нежный европейский желудок, и тем самым усыпили мою бдительность. То есть в представлении посла и его семьи обед был пресным. То, насколько по-разному наши рецепторы понимают глагол *«адаптировали»* и прилагательное *«пресный»*, я прочувствовала где-то на четвёртой ложке супа, когда мои пылающие кишки попытались выйти наружу — через глаза. И через нос. Жечь начало не сразу, зато по нарастающей. Я пыхла огнём, потела огнём и боялась своим дыханием поджечь скатерть. Я даже не успела понять, из чего это адское варево — помимо перца кайенского, чили, халапеньо, аджики и кающих грешников.

Мы пытались тушить меня водой, молоком и мартини. Вода с молоком не сработали, а вот мартини мне понравился. И да, на тот момент я уже была совершеннолетней, так что они хоть и изверги, но в рамках закона.

Помню, что мне было очень стыдно, но контролировать себя я не могла. Ещё помню, что мама сына индийского посла очень расстроилась и поклялась в следующий раз не класть вообще никаких специй в мою еду.

Следующий раз — ага, как же.

А потом индийский мальчик отвёл меня в свою комнату, и, одной рукой утирая мне слёзы, слюни и сопли, другой попытался пощупать за грудь. Сквозь пелену огня, стыда и негодования, я отвергла его мощным ударом и ушла, по-моему, не прощаясь.

Больше мы с ним не виделись.

Испанский я бросила, зато прочитала Камасутру — и скажу вам, что для общения с испанцами испанский не главное. Достаточно английского и этой полезной книги.

ЙОбобо

В один из Хэллоуинов мой тогдашний бойфренд, назовём его ЙОбобо, решил устроить нам свидание в интересном месте. В каком именно он не уточнил. Сказал — сюрприз.

Я тогда училась в глухой американской жопе. ЙОбобо жил в похожей, но в нескольких штатах от меня. Несколько штатов — это ночь и ещё полдня на автобусе. Но что мне расстояние, когда перед носом сюрпризом помахали. И я поехала.

Любопытство, знаете ли, двигатель не только прогресса, но и идиотизма. Путь в бездну. В моём случае почти буквально.

Мы поужинали в ресторане, а когда окончательно стемнело, Йобобо повёз меня за город, цитирую: *смотреть пруд*.

— Это же Америка, — решила я, — тут в каждом штате своя придурь.

Ну например:

В Айдахо запрещено рыбачить, сидя на верблюде.

Во Флориде в питейных заведениях нельзя устраивать конкурсы по метанию карликов.
В Балтиморе запрещено приводить в театр льва.

В Огайо полицейским разрешается укусить собаку, чтобы она перестала лаять.

А Луизиана вообще мой фаворит. Там запрещено привязывать аллигатора к пожарному гидранту, издавать булькающие звуки в общественных местах и, моё любимое, кусаться вставными зубами (*это считается нападением при отягчающих*). Своими — можно.

По сравнению со всем этим, смотреть пруды в хэллоуинскую ночь так же подозрительно, как ёлка в Рождество.

Мы долго ехали по шоссе. Потом свернули в лес, бросили машину и где-то с полчаса топали по тропинке. Вышли к высокой ограде с красивыми резными воротами, похожими на те, что в «Семейке Адамс».

Ну ограда. Ну похожа. Может, за ней парк какой.

Ворота были заперты на висячий замок, который Ебобо вскрыл моей заколкой.

На этом моменте мне слегка вздриснулось. Но я тут же вспомнила, что до города полчаса по тропинке, потом долго по шоссе... Безвыходная ситуация. И я зашла.

Там, внутри, среди надгробий и уютных могил, мне вздриснулось ещё раз. Но я снова подумала про тропинку, шоссе и про то, что приехали-то мы на его авто... Повторюсь, СИТУАЦИЯ БЕЗВЫХОДНАЯ.

В своё оправдание имею сказать, что прежде я на кладбищах не бывала. Только в морге (*расскажу в следующей серии*). И бойфренд у меня в целом был спокойный и прирученный, разве что слегка йоб бобо.

Мы углубились в эту юдоль тишины и скорби. Гуляли по аллеям, читали надписи на надгробиях и незаметно вышли к пруду — в обрамлении чёрных кустов он показался мне бездонным. У пруда обнаружилась поросшая травой и явно заброшенная могила с изъеденным временем камнем.

Йобобо подвёл меня к ней и поведал жуткую легенду. Пересказываю.

Жила-была девушка и был у неё жених, а у жениха — брат, влюблённый в ту же девушку. В ночь перед свадьбой брат прокрался в дом жениха, порубил его топором и распилил на мелкие кусочки. Кусочки захоронили в той самой могиле, а несчастная невеста от горя утопилась в том самом пруду. Только вот оказалось, что кусочки были не её жениха, а кого-то другого. С тех пор девешкин дух блуждает по кладбищу, ищет своего суженого и всё никак не угомонится.

Я слушала и думала: чьи же тогда эти кусочки, куда подевался жених и что за дурак этот Йобобо — всё он придумал, чтобы меня напугать. Вдруг вижу: под ногами камушек валяется с необычным узором. А я с детства люблю необычные камушки. Я его подобрала и спрятала в карман, а по пути домой, уже в машине, достала похвастаться.

— Что ты наделала! Нельзя ничего уносить с кладбища, иначе однажды ночью ОНИ придут за своим добром!

Я тут же попыталась выбросить камень в окно.

— Что ты творишь?! ОНИ придут, и ты им что скажешь?? *Я выкинула ваш камень в окно??*

— Кто ОНИ??

— О-о, лучше тебе не знать.

Ебобо умеет быть очень убедительным.

Месяц или около того я спала с включённым светом и телевизором. Я ждала. Камушек положила на подоконник — на случай, если ОНИ придут через окно. Откуда мне знать, через что ОНИ обычно приходят. Ну и подальше от кровати...

Видимо, я тоже йобобо.

Как я в морге ночевала

Пригласил меня как-то товарищ, студент-медик, на день рождения. Звонит в девять вечера.

— Приезжай, — говорит, — в Выхино.

— Почему, — говорю, — сейчас и почему туда?

— Приезжай. Это сюрприз.

Ну, молодость, жажда приключений и врождённая дурь в башке. Я и поехала.

Он встретил меня у метро и повёл буераками, чтобы запутать мою бдительность. Только что там путать? Она давно и счастливо замужем за топографическим кретинизмом. Вместе едины и непобедимы. Я как-то умудрилась заблудиться в торговом центре на маршруте по прямой — от супермаркета до выхода. Два часа ходила, искала. Думала, всё, хана, не выберусь. Плакала!

А тут целое Выхино — неизведанная земля. Для меня тогда это было как на Марс слетать. Я дальше центра города никуда не ездила.

Петляли мы, петляли — и вышли к зданию.

— Нам сюда, — говорит.

Читаю: *Морг*.

Думаю: Шутит.

Смотрю на товарища и понимаю: нет, не шутит.

— Ты идиот? — спрашиваю.

Он ухмыляется, а для меня пути-то обратно нет. Уже стемнело, как возвращаться к метро — не помню. В кармане — пусто.

Пришлось идти.

Внутри нас ждал студент-патологоанатом, пара бутылок водки и нехитрая закуска в виде мясной нарезки и солёных огурцов.

— Ты не бойся! — сразу успокоили меня мои медики, — писать захочешь — мы тебя проводим.

Ещё бы. Дорога в сортир вела вниз, в подземелье, мимо каталок с трупами. Но фильмов про зомби я ещё не видела, чего мне там бояться, не понимала, водку не пила (а ничего другого не было), поэтому писать мне хотелось редко. И я просто сидела там, злилась на свою глупость и ждала рассвета.

Но цимес был не в месте празднования и не в топографическом кренинизме, а в том, что отважным рыцарям моим давно приспичило по малой нужде. Но мешали трупки. И стыд, знаете ли. Первое дежурство в морге, оно ведь как первый секс — чудно и непредсказуемо.

Они терпели сколько могли, потом сознались, и весь остаток ночи мы ходили в туалет втроём. Я — впереди, они — следом.

И ведь так с тех пор и хожу: я — впереди, мужики — следом.

Валютная...

В одном классе с мамой училась Оля, будущая валютная проститутка.

Маме всю жизнь вот так вот везёт на людей.

При совке существовало два вида ночных *фей*: рублёвые и валютные. Разница между ними была такая же, как между сисадмином какой-нибудь калужской шарашки и айтишником из Майкрософт.

Неизменным оставалось одно:

Фея — это призвание.

Валютная *фея* — везение, потому что:

импортные мужики, импортные деньги и шмотки;

Chanel №5 и сигареты Marlboro;

предметы роскоши в виде стиральных машин, японских телеков и видеомагнитофонов Sharp.

И другие происки капитализма, недостойные и недоступные для советского человека.

Стоит ли говорить, что почти каждая советская девочка в тайне мечтала стать валютной проституткой *феей*?

Но советская школа — учреждение воспитательное и режимное. Почти как тюрьма. Проститутки там не растили, а советских детей надувало аистом. Валютную Олю никто не ожидал. Никто, кроме учительницы физкультуры. Та сразу разглядела в Оле и призвание, и везение и травила её изо всех своих закалённых советской идеологией сил.

Оля была второгодницей.

Пока остальные девочки формировались как личности, Оля формировалась как женщина — у неё на это был целый дополнительный год. К пятому классу у Оли были грудь, бедра и много неизрасходованной любви ко всем особям мужского пола. Выдающиеся Олины качества очень нравились мальчикам и очень не нравились девочкам.

Физручка, назовём её Василиса Степанна, воспитывала детей по всем канонам эпохи: походами, песнями у костра, коллективной дружбой против нежелательных элементов вроде Оли и принудительной социализацией творческих отщепенцев вроде моей мамы.

Олю в походы не брали. С Олей вообще никто не дружил, кроме моей мамы, которая всегда за справедливость и плевать хотела на коллективную дружбу, походы и песни у костра.

Отщепенка и будущая ночная фея нашли взаимопонимание. Ничего удивительного.

В восьмом классе стараниями Василисы Степанны Олю выперли из школы. На какое-то время её след затерялся в широких просторах родины.

Между тем дети повзростали в полезных для страны специалистов — врачей, строителей, инженеров. И творческих — журналистов, литераторов, поэтов, художников и прочих

дармоедов. Моя мама из числа последних. Она поступила в МГУ на журфак. На филфак её не взяли по пятому пункту. В совке быть еврейкой почти как проституткой, только хуже.

И вот идёт она однажды по улице Моховая — той, что в самом центре Москвы.

Идёт не одна, а с почётным профессором Московского Университета — выдающимся советским учёным, деятелем науки и культуры.

И беседуют они о трагическом гуманизме и символизме в литературе XVI—XVII веков. И о поисках внутренней истины и моральных противоречий в человеке.

Подходят к славной гостинице «Националь», знаменитой своими постояльцами, феями и тем, что якобы именно там художник Иогансон придумал этикетку водки «Столичная».

Из дверей выходит Оля.

В дублёнке из светло-коричневой овчины.

Итальянской.

Приталенной.

С тёмным каракулевым воротником и такими же манжетами.

С ридикюлем из лаковой кожи, с блестящей застёжкой.

И с негром.

И всем сразу стало понятно, что Оле повезло.

Оля увидела маму и кинулась к ней с криком:

— Ленка!! Сколько лет сколько зим. — И полезла обниматься.

«Ленка» зависла.

Почётный профессор Московского Университета, выдающийся советский учёный, деятель науки и культуры охуЭл.

Что тут ни скажи, всё звучит как-то неубедительно. Ну например:

— Я её не знаю. ВЫ КТО?

— Она, наверно, меня с кем-то перепутала!

— ...а имя просто угадала!

Спас журфак.

Журналист — профессия многогранная, охватывает сразу все стороны жизни, все профессии и слои населения — от выдающегося советского учёного до проститутки. А уж если журналист хочет чего-то добиться, у него везде должны быть свои люди: Василий Игнатьич из четвёртого следственного, Ангелина Савельевна из Минпросвещения, Джамиля Рахметовна из Гастронома №1. Или вот Оля. Так что ничего удивительного. Вот поступи мама на филфак, неизвестно как сложилось бы.

Крекс, Пекс, Секс!!

Для моей бабушки секс был чем-то оскорбительным и неприличным. Почти как слово «хрен»: мне за него рот помыли и на час в угол поставили.

— Им (сексом — *прим. автора*) занимаются только прошмандовки и замужние женщины! — говаривала бабушка.

Кто такие прошмандовки, она не объясняла. В ответ только сердилась и фыркала — мол, нос не дорос. Как при таком отношении она вообще двоих детей родила, для меня до сих пор загадка. Но тут, наверное, дед настоял.

Нос дорос у моей школьной подруги В. годам к 16. У неё появился мальчик со всеми втекающими, вытекающими и с совместным проживанием. Ясное дело, от бабушки мы сей факт «вопиющего распутства» отчаянно скрывали.

Узнала она случайно, от бабушки В. Та как раз считала, что нефиг девке замуж скакать, пока не нагуляется, и всячески потворствовала внучке в наращивании жизненного опыта.

А вот с моей бедной бабушкой едва не приключился удар. Она пила валокордин, валидол и что-то ещё из маленькой рюмочки. Стенала, ложилась умирать на софу и взывала оттуда к моей совести.

— Ты всё знала и скрывала. Как вы могли, бесстыдницы? Куда катится мир!

Успокоилась она, только когда я поклялась её жизнью горькой, что нет у меня мальчика. И не было. И что до брака я ни-ни. И с В. я поговорю, и та, конечно же, одумается.

С тех пор прошло много лет. Бабушка давно ушла. Но незадолго до смерти вдруг рассказала мне, уже взрослой, что деда она никогда не любила. А любила молодого офицера, которого встретила во время войны. Был у них один-единственный вечер. Один-единственный танец. Больше между ними не было ничего. Только этот *вальс на всю жизнь*.

И знаете что? Я решила тогда: лучше я сначала побуду «прошмандовкой», а уж потом — замуж. Ведь совсем не стыдно искать, ошибаться и снова искать. Как иначе узнать, что вот оно, счастье, если никогда его раньше не видела? И как его найти, если не искать...

II. Осторожно, я

Раз не знаешь точно,
смерть придёт когда,
то трусы без дырок
надевай всегда.

Трусы

Пару недель назад посреди ночи мне вдруг стало херово. Я вызвала скорую, пооткрывала все двери и улеглась ждать в коридоре — там быстрее найдут. Я дома одна, мало ли — вдруг вырублюсь.

Лежу, думаю: вырубиться лохматой, в халате и без трусов — позорно. Доползла до комода, надела красивые трусы и вернулась в коридор. Проползая мимо зеркала, наvertела гульку.

Если и не дождусь, то пусть хоть опрятная и в красивом белье.

Приехали два фельдшера, сделали всё, что в таких случаях полагается, и уехали. А я лежала и думала, как они своими ногами без бахил мой чистый пол топтали. Час лежала. Поняла, что всё равно не усну, встала и помыла. И продезинфицировала — у меня для таких случаев специальное средство есть.

Порой мне кажется, что ОКР, неистребимое чувство юмора и чудесная наследственность не дадут мне сдохнуть. Моя мама в ожидании скорой делала себе педикюр, потому что — как это она с такими ногами. Неприлично. Скорая повезла её в реанимацию с красивым педикюром. Так что у нас это, видимо, семейное бобо.

И ещё думать лежа — это явно не моё. Надо прекращать.

ЧУЧА

Я продукт советского школьного образования. И советского воспитания — если верить, что основа основ закладывается в детстве.

Росла я ребёнком исключительно необщительным, зато с богатой фантазией и занятыми воображаемыми друзьями: Железным дровосеком, Маугли, Человеком-Амфибией и другими книжными и не только персонажами. Например, Владимиром Высоцким, не помню как затесавшимся в эту компанию. Жили мы в воображаемом лесу, в воображаемой хижине рядом с воображаемым озером и каждый день спасали мир от всякой фигни, которую я сочиняла на ходу. Такие вот Люди Икс, альфа-версия.

«Живых» друзей у меня не было, мне хватало вымышленных. Сейчас меня затаскали бы по психологам и прочим специалистам по счастливому детству. А тогда всем было по барабану: играет ребенок сам с собой, никого не трогает — и слава богу.

В мои пять с половиной лет родители, наконец, раздупились, что аутичные дети в школе приживаются плохо, и засунули меня в детсад. Решили, так сказать, провести социализацию экстерном, вроде пятилетки за три года. В моём случае — за полтора. Это был полный провал: я и мои воображаемые друзья в дружный советский коллектив, полностью сформированный и укомплектованный, не вписались. Дети, многие уже с яслей, разбились на стайки и дружили по двое или по трое.

А ещё дедовщина.

В моём саду она была представлена Катей и Дашей. Эти две милые девочки, одна мелкая с косичками, другая крупная и рослая, изводили меня по всякому: дразнили, пинали, отжимали конфеты и компот. Я терпела молча и только глубже уходила в себя.

И вот однажды я притащила в сад Чучу — невзрачного, истрёпанного детской любовью плюшевого пса с грустными глазами. В Чучином облике было ужасно всё, кроме носа. Невероятной красоты был нос: большущая бусина сверкала и переливалась на свету, как бриллиант.

Кате нос сразу понравился, и она его откусила. Я сильно расстроилась и попыталась откусить нос Кате, но, по счастью, до конца не успела. Нас растащили. Катя плакала, Даша и остальные дети расступились и с опаской поглядывали на меня. С того момента меня больше не обижали. И, кажется, именно тогда я решила, что насилие — лучший способ взаимодействовать с этим миром. Кто сильный, тот и прав. Из замкнутой, но милой девочки я превратилась в гремлину.

В семье я неожиданно встретила мощную поддержку в лице деда: мечтавший о внуке, он всячески способствовал моему перевоплощению. Повесил в коридоре турник и начал тренировать во мне бойца. Я бегала кроссы, отжималась, подтягивалась, лазала по деревьям, плавала, каталась на беговых и горных лыжах. И дралась насмерть мешком для сменки.

Первая (и единственная на ближайшие шесть лет) подруга появилась у меня во втором классе. Звали её Вика, и она была полной моей противоположностью. До сих пор не пойму, что эта общительная девочка в красивых платьицах и кудряшках нашла во мне, социопатичном сорванце в старых трениках и штопанной куртке, с вечно разбитыми коленками и ободранными локтями. Однажды она просто подбежала ко мне на перемене и заявила:

— Привет, я Вика! Приходи ко мне на день рождения. В субботу. Придёшь?

С этого началась наша дружба, а заодно и моя истинная социализация. Как мне тогда казалось, Вика знала всё про внешний мир. Она стала моим проводником.

— Ты кем увлекаешься?

— Как это — кем?

— Ну там, певцом или актёром. Ты обязательно должна кем-то увлекаться. Ну вот кто тебе нравится?

— Ну не знаю... — про Высоцкого и Железного дровосека я на всякий случай решила умолчать. — А ты кем?

— Я — Томасом Андерсом из группы Modern Talking. Знаешь такую?

— Нет, но давай я тоже буду им увлекаться.

— Ты что! Так нельзя! Там есть ещё Дитер Болен, ты можешь увлекаться им.

Я понятия не имела, кто такой этот дитер, почему он болен, а главное, зачем вообще кем-то увлекаться. Но мне очень нравилась Вика, и остаток второго и весь третий класс я старалась увлекаться изо всех сил: собирала значки, фото, кассеты, даже выучила пару песен.

Именно Вика в седьмом классе вытащила меня из треников, передела в юбку, воткнула в первые в моей жизни каблуки, накрасила и отправила на мою первую дискотеку.

Вернувшись, я долго стояла перед стареньким зеркалом в коридоре. Оттуда на меня смотрела незнакомая и очень серьёзная девочка с тонкими ногами и большими печальными глазами. Чучиными глазами. Вика из гадкого утёнка превратила меня в девочку и научила жить наружу.

С тех пор прошло несколько десятков лет, круг друзей у меня несколько раз менялся. А я так и живу — Чучиными глазами наружу, книгами вовнутрь, с чувством юмора на щите. Иногда так хочется кому-нибудь откусить нос, но я же взрослая женщина — держусь.

Кот, лишай и альпинисты

Моя мама всегда отличалась неукротимой фантазией и буйным творческим воображением. Поэтому, когда мне стукнуло десять, она решила воспитать во мне характер и отправила в альпинистский лагерь. В Крым. Но не сразу, а через Геленджик.

В Крым из Геленджика мы лезли по горам. Сначала вверх лезли, потом вниз — и так два месяца.

Мне не нравилось. Я писала маме длинные жалобные письма, умоляла вернуть меня на родину, обещала стирать трусы и слушаться бабушку. Но мама была неумолима.

Мы лезли через Керчь. Лезли через Симферополь. В Бахчисарае нажрались незрелых абрикосов и зелёных грецких орехов. Дристали до Севастополя. По пути у меня выросли то ли ноги, то ли ногти на ногах и протёрли кеды насквозь.

Я загорела, возмужала и практически босиком вошла в Севастополь, где сразу же за три рубля купила в переходе котёнка — маленького, пушистого и с лишаём. Лишай шёл бонусом, меня о нём не предупредили. Зато сообщили, что каждый начинающий альпинист должен иметь кота. Потому что если собака — лучший друг человека, то кот — лучший друг альпиниста. К этому времени я уже сообразила, что люди и альпинисты — это вообще разные подвиды. Первые — *Sapiens*, вторые — просто *Номо*. И ни один нормальный *Sapiens* не полезет в гору, если её можно объехать на автобусе с кондиционером.

Котёнка полюбил весь лагерь. На перевалах ко мне выстраивалась очередь желающих провести с ним ночь. Платили кто чем мог — в основном конфетами и печеньем, иногда колбасой. Я стала звездой. Жизнь налаживалась, поток слезливых писем домой прекратился. Но инкубационный период лишая длится в среднем две недели — ровно столько же длилась моя слава и сопутствующая ей всеобщая любовь.

И вот одним прекрасным утром я проснулась с пятном на животе. И на руке. И ещё с одним — на шее. Всего их было пять.

— Лишай, — изрекла наша походная медсестра. И меня изолировали.

Вообще они бы меня с радостью потеряли или случайно забыли в палатке на турбазе, но социальные нормы советского воспитания прочно въелись в их мозги. И ещё страх перед моей творчески буйной мамой с громким голосом и связями.

Страшно подумать, скольких детей мы с котёнком тогда олишайли. И сколько проклятий устремилось в меня со всех концов нашей огромной страны. Очередь-то была длинной — переспавшим с котёнком несть числа...

А уже в Москве я узнала, что лишай — хитрый бес. Полтора месяца он может сидеть в засаде, никак себя не проявляя, и всё это время заражать окружающих. Это открытие потенциально удваивало количество проклятий.

Я вот думаю, что мои беды по жизни — это отголоски тех самых проклятий, что, как свет далёких звёзд, озвездюляют мой путь. И звёзды-то все уже давно перегасли, а свет всё так же ярк.

Про Национальное самосознание

Оно настигло меня в первом классе, когда я вернулась домой и спросила у бабушки, есть ли в семье евреи. Выяснилось, что в семье все евреи, кроме папы. ВСЕ — это явно больше, чем один, — сообразила я и принялась рыдать. В моих рыданиях мама тут же учуяла происки антисемитизма и решила травить его из меня иудаизмом — из профилактических, разумеется, соображений.

В свои семь лет я считалась ребёнком ранимым и для травли непригодным. Собрали семейный совет — решили подготовить. Про иудаизм больше всех знала бабушка: её им «травлили» с детства. Советский Союз многое стёр из её памяти, но три слова на идише она бережно несла мне сквозь года: *тухес*, *ш.лимазл* и *мишигинер* — жопа, неудачник и дурачок. Эти слова объясняют некоторые события моей жизни.

Дед не знал ни идиша, ни иудаизма, зато всё знал о спорте и физкультуре. Он научил меня отжиматься, метко стрелять из рогатки, лазать по деревьям и драться мешком для обуви. Как это должно было помочь мне с антисемитизмом, неясно.

И вот, как только мне стукнуло 12, мама решила, что пора, и отправила меня в еврейский религиозный лагерь для девочек. Альпинистского в Крыму ей показалось мало.

В лагере мы пели песни, учили иврит, читали Тору и соблюдали кашрут. А антисемитизм из нас изгоняли молитвами и великим иудейским царём Машиахом. Он придёт, говорили нам, искупит все грехи еврейского народа и «духом своих уст умертвит нечестивого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.